

ГЛАВА 1

Свинцовые тучи тяжело ворочались в вышине. Полдень, который должен был сиять ярким светом, обернулся гнетущими сумерками. Ветер яростно швырял в лица прохожих палую листву, предвещая скорую бурю. Люди спешили укрыться: кто-то бежал домой, кто-то искал случайный навес. Но был среди них тот, кто шёл не спеша, словно не замечая ни ветра, ни грозного рокота в небесах. Его лицо хранило печать глубокого безразличия, а взгляд казался пустым.

Ян Гуй поднял голову и выдавил горькую усмешку.

«Неужели у небес и впрямь есть глаза? Эта погода чертовски точно отражает то, что у меня на душе. Но если они всё видят, то почему праведники гибнут молодыми, а подлецы живут веками? Сплошной обман...»

Ян Гуй считал свои двадцать лет жизни дурной шуткой. Если не считать его самого, разве был в этом мире хоть кто-то, кому он был по-настоящему дорог?

Ноги сами принесли его к окраине, где доживали свой век ветхие лачуги, предназначенные под снос. Первые капли дождя ударили по пыльному асфальту. Ян Гуй, несмотря на свой фатализм, был человеком практичным и решил переждать грозу в одном из заброшенных домов.

«Стисну зубы и буду жить дальше. Жизнь, какая бы она ни была, лучше смерти. А если бы у меня были родные... разве было бы так тяжело?»

Яркая вспышка и оглушительный грохот прервали его раздумья. Небеса ответили на его вопрос ударом молнии. Удар оборвал мысль, оставив после себя лишь обугленную, неузнаваемую плоть.

Когда гроза стихла, тело быстро нашли. Экспертиза была краткой: смерть в результате удара молнии. Дело закрыли.

***

— Хм-м... — Сознание пронзила острая, пульсирующая боль.

Ян Гуй медленно приходил в себя. Последнее, что он помнил — тот оглушительный треск. Неужели его ударило молнией? Попытка потереть ушибленную голову отозвалась новой вспышкой боли. Какая нелепость — хотел спрятаться от дождя, а в итоге стал мишенью для небесного разряда. И всё же... он выжил?

Цепляясь за ствол дерева, Ян Гуй с трудом поднялся на ноги.

Дерево? Откуда здесь дерево?

Он огляделся. Его окружали вековые исполины, уходящие кронами в серое небо. Но ведь там, где он прятался, были лишь старые дома и голый пустырь. Да и угол обзора изменился — земля казалась непривычно близкой.

Взгляд упал на собственные руки. Маленькие, детские ладошки. Одежда, сшитая из дорогой ткани, была насквозь пропитана кровью. Ян Гуй коснулся своих волос и в ужасе опустился обратно на землю. Он помрачнел от горького осознания.

Каким бы невероятным это ни казалось, он был в чужом теле. В теле ребёнка лет пяти-шести.

«Перерождение...» — это слово, знакомое лишь по книгам, теперь стало его реальностью. В том мире его никто не ждал, но современная жизнь была единственным, что он знал. Теперь же, глядя на свой наряд в старинном стиле, Ян Гуй понял: всё, что было ему привычно, исчезло навсегда. От бессилия он зарыдал.

Внезапно голову сдавило, и в разум хлынул поток чужих воспоминаний, смешиваясь с его собственными.

Прошло немало времени, прежде чем он пришёл в себя. Образы прошлого обрели ясность. Судьба сыграла с ним злую шутку: он оказался в эпохе Северной Сун, в теле четвёртого сына прославленной семьи Ян из поместья Тяньбо. Перед глазами пронеслись картины счастливого детства: беззаботные игры, любовь родителей, забота старших братьев. В памяти ребёнка пока жил лишь один младший брат, Пятый. Значит, до трагедии, вошедшей в легенды, оставалось ещё много лет.

Однако вместе с нежностью к семье он ощутил и нечто иное — удушающую горечь и обиду самого ребёнка.

«Почему? Почему меня бросили? Я ведь их сын!»

Ян Гуй долго плакал, но душа взрослого человека постепенно взяла верх над детскими эмоциями. Он окинул взглядом поле битвы, усеянное телами.

«Отныне я — это ты, а ты — это я. Я проживу твою жизнь. Прощай, Ян Гуй. Тебя больше нет».

Чувствуя, как силы покидают его, Ян Сылан поднялся. Небо быстро темнело. Нужно было найти укрытие на ночь, а уже потом думать, что делать дальше.

Вдруг до его слуха донёсся шум шагов. Не зная, друг это или враг, мальчик юркнул под обломки разбитой повозки. Сквозь щели он увидел человека, подошедшего к тому самому месту, где он стоял мгновение назад.

Цуй Инлун осмотрелся. Он ясно слышал детский плач, но вокруг не было ни души.
«Смышлёный малыш, — мелькнула мысль у него в голове. — Спрятался, боясь врагов». Ляосцы не стали бы брать с собой детей на поле боя, значит, это свой.

— Выходи, малыш. Не бойся, я свой, ханец. Я просто проходил мимо и услышал твой плач. Я заберу тебя отсюда.

Услышав родную речь, Ян Сылан решился. Он вылез из-под повозки и, вызывающе вскинув подбородок, буркнул:

— И вовсе я не плакал.

Цуй Инлун не смог сдержать улыбки.

— Хорошо-хорошо, не плакал так не плакал. Идём со мной. У тебя остался кто-нибудь из близких? Как ты, дитя, оказался в самой гуще сражения?

Мальчик шёл рядом, опустив голову. Цуй Инлун решил, что ребёнок просто стыдится своих слез, но на самом деле Сылан пытался подавить ярость и обиду, вспыхнувшие при упоминании семьи.

«Родители — самые близкие люди, но они оставили меня здесь. Кому теперь верить? Чья любовь может быть искренней? Впрочем, в прошлой жизни у меня не было близких, и в этой, видно, не суждено. Обойдусь».

Он понимал: без этого человека ему не выжить. Возвращаться в поместье Тяньбо Сылан не хотел, а в одиночку ребёнок быстро станет добычей работорговцев. Мальчик потёр глаза, чтобы они казались красными от слёз, и поднял на Цуй Инлуна взгляд, полный тихой печали:

— У меня больше нет семьи.

Эти слова заставили Цуй Инлуна осесть. Он мгновенно дорисовал в воображении картину: родные мальчика погибли в бою, оставив его одного среди трупов. Неожиданная жалость шевельнулась в сердце мастера.

— В таком случае... хочешь пойти со мной? Я возьму тебя в ученики.

Сылан чувствовал странное доверие к этому человеку, но не ожидал, что тот предложит стать его наставником. Сердце, ожесточившееся от жизненных невзгод, на миг потеплело.

«Попробую поверить ещё раз».

Цуй Инлун привёл мальчика в своё убежище. Когда Сылан смыл грязь и запекшуюся кровь и переоделся в чистую одежду, наставник наконец смог его рассмотреть. Несмотря на юный возраст, в чертах мальчика уже угадывалось благородство и редкая красота. Пухлые детские щечки так и манили к себе, и мастер, не удержавшись, слегка ущипнул его.

— Эй! Отпустите! — возмутился Сылан.

Цуй Инлун смутился. Как он мог так поддаться порыву? Видимо, его воля не так крепка, как он думал. Глядя на надувшегося, как рассерженный воробушек, малыша, он поспешно сменил тему:

— Кхм... Прости. Ты помнишь, как тебя зовут?

Сылан на миг задумался, и в его сознании всплыло имя, которое он решил взять себе, чтобы окончательно порвать с прошлым.

— Чоу Муи. Моё имя — Чоу Муи.

Эмоции прежнего владельца тела теперь стали его собственными. Он не мог и не хотел забывать обиду на семью Ян, но и старое имя тянуло его назад. Пятилетний ребёнок вряд ли мог питать более сложные чувства, чем гнев на тех, кто его бросил.

— Чоу Муи? Странное имя... Ну да ладно. Буду звать тебя И-эр. Я — Цуй Инлун, запомни это. На этой горе мы будем жить. Отдыхай пока несколько дней, я подлечу тебя, а потом начнём учиться наукам и боевым искусствам.

При упоминании боевых искусств И-эр воодушевился. В его прежнем мире древние техники были почти утрачены, превратившись в пустую гимнастику. А здесь у него был шанс познать истинное мастерство.

Наставник, видя этот энтузиазм, невольно проникся симпатией. Ему казалось, что ребёнок просто видит в кунг-фу интересную игру — ведь что ещё может понимать пятилетний малыш? Он и не подозревал, что в теле ребёнка скрывается душа взрослого мужчины.

Цуй Инлун всерьёз взялся за обучение своего единственного ученика. Он закупил лекарственных трав и со следующего дня начал готовить для мальчика лечебные ванны. Мастер опасался, что И-эр, как всякий ребёнок, будет капризничать и не захочет часами сидеть в чане, но мальчик проявил удивительное терпение и послушание.

Откуда Цуй Инлуну было знать, что его ученик прекрасно понимает пользу этих процедур?

После первого дня, проведённого в лечебном отваре, наставник объявил, что теперь ванны будут занимать лишь один час, а остальное время они посвятят занятиям. И-эр, быстро

прикинув, что это вполне разумно, с радостью согласился.

У Цуй Инлуна никогда не было учеников, но он основательно подготовился. Он принёс стопку книг: от «Троесловия» до «Четверокнижия», а также письменные принадлежности. В его комнате, в тайнике, хранились и труды по военному искусству. Наставник рассудил: его ученик на редкость одарён, и было бы преступлением обучать его лишь владению мечом, не давая знаний о стратегии.

Сидя в чане, И-эр наблюдал за тем, как наставник с почти детским восторгом планирует его будущее. Лицо мальчика оставалось бесстрастным, но где-то глубоко внутри он чувствовал, что лёд в его сердце начинает таять.

<http://bllate.org/book/17388/1691986>